

Русская Церковь и экклезиологическая традиция Александрийского Патриархата

18 ноября 2019 года в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете прошел торжественный годичный акт, в ходе которого состоялось **выступление** доцента ПСТГУ кандидата исторических наук иерея Павла Ермилова.

В периоды потрясений человек интуитивно ищет точку опоры, каковой в церковной жизни, как правило, выступают лица, наделенные духовным авторитетом. Именно такой опорой во времена гонений на Русскую Церковь был святитель Тихон, память которого мы вместе сегодня празднуем. В периоды вероучительных споров опоры ищут не только в людях святой и безупречной жизни, но и в признанной и авторитетной церковной традиции. В ситуации нынешнего церковного нестроения мы тоже ищем такую точку опоры в трудах богословов предшествующих эпох в полной уверенности, что она должна там найтись.

Уже довольно продолжительное время заявляемые Константинопольским Патриархатом претензии на уникальные властные полномочия, отличающие его главу от предстоятелей прочих Церквей, справедливо клеймятся как папистские. Наиболее убедительным доказательством верности подобной оценки можно счесть сочувствие к ним со стороны самих носителей и выразителей папского догмата — римо-католиков. Они давно уже усматривают родство представлений об особом служении Константинопольского патриарха в Православной Церкви с учением о положении Римского папы в Церкви Католической. Вот как писал еще в 1955 году монах-католик Хризостом Блашкевич по поводу нашумевшего окружного послания Константинопольского патриарха Афинагора, опубликованного в 1950 году: Патриарх Афинагор «назвал константинопольскую кафедру... *“Вселенским престолом и центром, к которому обращены взоры всего Богом ведомого круга церквей, — центром, который группирует и держит все православные церкви... которые только через эту (константинопольскую) церковь-мать соединяются с телом Единой, Святой, Кафолической и Апостольской Церкви”*. Как видно из этих слов, взгляд первенствующего иерарха во всем православном мире на константинопольскую кафедру почти сходится с учением Католической Церкви относительно кафедры римского епископа — папы».

Однако при всей близости папизма римского и константинопольского основания этих лжеучений различны. Не случайно православные богословы говорят о феномене «восточного папизма». Принципиальная разница состоит в том, что папизм западный восходит к идее уникального и

неотъемлемого избранничества апостола Петра, служение которого продолжается в Церкви через его преемников на кафедре — Римских епископов. И это служение определяется не канонической логикой, но восходит к догматическому учению о Церкви. В свою очередь, папизм восточный основывается на исторической и прежде всего канонической аргументации, основу которой составляет 34-е апостольское правило, гласящее: *«Епископам всякого народа подобает знать первого в них и признавать его как главу...»*. Распространяя это правило на общецерковный уровень, Константинопольские патриархи претендуют на статус первых епископов всей Церкви с соответствующими каноническими привилегиями, среди которых право созывать и председательствовать на соборе всей Церкви, которое было недавно реализовано на Критском соборе, и право принимать и рассматривать апелляции из всех поместных Церквей, реализованное в акте дарования автокефалии украинским раскольникам.

Постепенно становится понятным, что традиционные аргументы противокатолической полемики сегодня могут быть легко обращены в адрес идеологов Константинопольского Патриархата, проповедующих восточный папизм. И поэтому естественно точку опоры искать в классической антилатинской полемике византийского периода. Действительно, обращение к этому пласту полемической литературы вскрывает произвольность латинского учения об уникальности папского служения в Церкви, а также ложность подводимой под это аргументации. Но нельзя забывать о том, что, критикуя латинян за искаженное учение о Римской кафедре, византийские авторы ревностно защищали особое положение столичных Константинопольских патриархов, закрепленное к тому же в императорском законодательстве. Более того, в византийской литературе встречались и представления о переходе, или используя более привычное понятие, — трансляции первенствующего служения Римских пап к Константинопольским патриархам. Учитывая все это и памятуя о неоднородности папизма восточного и западного, в нашем поиске следует обратить свой взор дальше, а именно на богословскую традицию послевизантийского периода, — того времени, когда лидирующая роль Константинопольских патриархов лишилась опоры в фигуре христианских императоров. Здесь нам следует обратиться к традиции александрийской школы, или правильнее будет сказать — новоалександрийской, оформившейся в самостоятельное течение в конце XVI – начале XVII веков.

В древности влиятельнейшие Александрийские патриархи уверенно претендовали на лидерство в Церкви, но на фоне политических изменений и возвышения столичной кафедры Константинополя они были вынуждены уступить в конкуренции за первенствующее положение в Церкви. Для этой кафедры, навсегда занявшей второе место среди главных церковных центров на Востоке, вопрос первенства стал довольно болезненным. Со временем, когда Константинопольские патриархи стали развивать взгляды о своем превосходстве над прочими предстоятелями, именно Александрийские патриархи выступили против попыток ввести иерархию в отношения между предстоятелями и провозгласить первенство одного из них.

Главным выразителем учения этой школы стал авторитетнейший на всем христианском Востоке иерарх — патриарх Мелетий Пигас, совсем недавно, в 2003 году, прославленный Александрийской Церковью в лике святых. Другими представителями этой школы были непосредственные ученики Мелетия, его преемники на Александрийской кафедре, а после — уже их ученики и сподвижники. А главными событиями, послужившими выражению идей этой школы, стали святой и великий Константинопольский собор 1593 года и поместный собор Александрийского Патриархата 1867 года.

Первый из этих соборов рассматривал вопрос о Московском Патриаршестве. В первоначальном проекте учреждение патриаршей кафедры на Руси рассматривалось в контексте восстановления древней пентархии: московский престол призван был восполнить пятеричное число главенствующих церковных кафедр, заняв место, освободившееся после отпадения Рима от Православия. Но тот образ пентархии, который обсуждался современниками событий, оказался значительно деформированным сравнительно с тем классическим выражением, которое мы встречаем в текстах св. императора Юстиниана, прп. Феодора Студита, Феодора Вальсамона и других авторов. Вопреки принципу пяти равночестных и взаимодополняющих элементов, к концу XVI века в пентархии стали искусственно и довольно нелогично выделять главенствующее положение одной из кафедр, которое однозначно приписывалось Риму. При восстановлении пентархии предполагалось, что освободившееся место отпавшей Римской кафедры должен занять Константинополь. В русских источниках эта идея так и выражалась: патриарху Константинопольскому подобало *«в папино место быти старейшим отцом»*.

Церковный собор, на котором описанный проект получил свое каноническое закрепление, состоялся в Константинополе в мае 1590 года и вошел в историю Русской Церкви как собор всего православного Востока, утвердивший московское патриаршество. Наряду с признанием новоучрежденной патриаршей кафедры в соборном определении провозглашалось первенство и главенство Константинопольских патриархов среди прочих предстоятелей. Московскому патриарху предписывалось *«своим главой и первым иметь и считать апостольский Константинопольский престол, как имеют и прочие патриархи»*. Самой же московской кафедре уделялось пятое место *«после»*, — или как эта мысль выражалась в русских переводах соборной грамоты — *«под Иерусалимским патриархом»*.

На Руси соборная грамота была принята с одобрением. Сам государь объявил о *«совершении великого и преславного дела»* установления патриаршества. В Москве соглашались и с первенствующим положением Константинопольского патриарха. Святой патриарх Иов подчеркивал, что собор в Константинополе приговорил *«именоватися в первых старейшим отцом великому господину светейшему патриарху Иеремену вселенскому, тому в папино место»*.

быти». Позже он вспоминал, что «в место папино Константинопольский патриарх оттуду начат нарицаться».

Несмотря на всеобщее одобрение решений Константинопольского собора и на Востоке, и на Руси, они имели одну заметную уязвимость. На момент проведения собора Александрийская кафедра пребывала вакантной, и потому под соборным деянием не оказалось подписи Александрийского патриарха. Когда, вскоре после того, на кафедру был избран Мелетий Пигас, царь Феодор Иванович отправил ему послание, в котором просил письменно присоединиться к решениям Константинопольского собора 1590 года. Однако вопреки всем ожиданиям и даже прямому царскому повелению патриарх Мелетий не только не подписал соборные деяния, но и выступил с их резкой критикой.

Добившись в итоге проведения повторного собора по делу о Московском Патриаршестве, святитель Мелетий лично составил текст его определения и убедил других патриархов, включая Константинопольского, пересмотреть решения предыдущего собора. Главный принцип, который Мелетий заложил в основу нового определения, состоял в отказе от идеи главенства и даже первенства среди патриархов и в провозглашении их полного равенства. Патриарх Московский объявлялся *«братом православных патриархов... тождественным по чину и сопрестольным, равным по чину и достоинству».*

В письме патриарху Иову с отчетом о своем участии в соборе и принятых на нем решениях патриарх Мелетий настаивал на том, что возвышение Москвы в церковном плане никак не связано с вопросом о порядковом месте московской кафедры, а состоит во введении в сам этот порядок, место в котором, будь оно первое или последнее, не имеет никакого значения. Именно поэтому собор вообще не оговаривал номер московской кафедры, но только ее место после Иерусалимской. Ведь если Московский патриарх не пятый, то Иерусалимский — не четвертый, и в конечном счете, Константинопольский — не первый. Святитель Мелетий вновь и вновь повторял: Московский патриарх получил не просто *«равный чин»* с прочими патриархами, а тот же самый, тождественный чин, исключаяющий всякую мысль об иерархии между патриаршими престолами.

Для понимания сути соборного учения важно обратить внимание на то, что возвышение Московской кафедры в статус Патриархата осуществлялось путем апелляции к 28-му правилу Халкидонского собора, — тому самому правилу, на основании которого кафедра Константинополя получила *«равные преимущества»* с Римом. Применяя это же правило к Московской кафедре, собор наделял ее теми же самыми «преимуществами», которые имели Римский и Константинопольский престолы, благодаря чему полностью стирались границы между Римом первым, вторым и третьим. Так, обсуждавшийся в те годы вопрос о «Третьем Риме» нашел свое церковное разрешение: собор делал излишними политические дискуссии о переносе

первенствующего статуса от второго Рима к третьему путем признания тождественности их церковного статуса, что не оставляло места для дальнейшего соперничества.

Но главным для нас является то, что собор 1593 года аннулировал решение предыдущего собора о первенстве и главенстве Константинопольского престола в Церкви. Святитель Мелетий и не мог принять иного решения. В своих богословских сочинениях он многократно обращался к теме первенства в Церкви, уча о том, что первенство имеет исключительно областной характер и не может распространяться на всю Церковь, ведь вся Церковь не является совокупной областью. Она выходит за рамки зримого мира и включает в себя небесные обители, где пребывают святые и «в вере, скончавшиеся». Допустить первенство или главенство одного из епископов во всей Церкви, а не только в отдельно взятой области, можно, только заключив Церковь в строгие географические рамки, а значит, — расторгнув единство Церкви земной и небесной и пожертвовав характерным для православного богословия созерцанием церковной полноты. Именно поэтому святитель последовательно выступал против применения 34-го апостольского правила к уровню всей Церкви и отношений между патриархами, утверждая, что оно относится только к уровню поместных Церквей. Как писал святитель Мелетий: *«[Отдельные] Церкви являются друг для друга членами, а не главами»*.

Прямой преемник патриарха Мелетия по кафедре патриарх Кирилл Лукарис явился верным продолжателем дела своего учителя. Он также много писал о первенстве и главенстве в Церкви, признавая, что между патриархами существует некий установившийся «порядок», но только он не является иерархическим, поскольку «первый» в нем не оказывается «большим других». По его словам, единственное, что имеет Константинопольский патриарх, — это формальное «*первенство места*» в этом порядке, во всем же остальном патриархи пребывают равными.

Суть папизма патриарх Кирилл выражал простыми словами, говоря, что папист — тот, кто утверждает, что *«папа есть первый епископ и глава всей Церкви»*. Подобное соседство двух терминов «первый» и «глава» невольно приводит на память формулу из деяния собора 1590 года о Константинопольском престоле как первом и главе для прочих патриархов. Но ко времени Патриаршества Лукариса подобная формула уже открыто считалась папистской. Повторяя эту же мысль в другом месте, патриарх Кирилл писал, что целью латинян является подчинение православных папе с признанием ими папы *«первым епископом и главой»*, что, по мнению патриарха, ведет к *«поруганию Христа»*.

Здесь уместно обратить внимание на то, что эта папистская и богохульная формула из определения Константинопольского собора 1590 года слово в слово была воспроизведена в томосе патриарха Варфоломея, выданном украинским раскольникам, что лишний раз подтвердило наблюдение древних о том, что подобное тяготеет к подобному. Спустя много лет, в 1867 году,

состоялся собор Александрийского Патриархата, специально рассматривавший вопрос о неправомерности вмешательства Константинопольского патриарха во внутренние дела Александрийской Церкви. Этот собор однозначно высказался в пользу *«единочестности и равночестности всех патриархов»*, о *«самоуправляемости»* их престолов, о том, что не один Константинопольский, но все без исключения патриархи являются этнархами в своих областях, и, наконец, о том, что Константинопольский патриарх не имеет ни единого права, возвышающего его над остальными патриархами, но пребывает равночестным с прочими, не обладая никакой возможностью *«трансгранично»* вмешиваться в чужие дела, поскольку этим нарушается принцип церковной автокефалии и независимости.

Чтобы почувствовать силу и значение позиции Александрийского Патриархата и, скажем так, ту дистанцию, которая отделяет ее от представлений, являющихся доминирующими в русском богословии, достаточно вспомнить дискуссию вокруг представлений профессора канонического права Т. В. Барсова о правах Константинопольского патриарха в Церкви. Полемизируя с Барсовым относительно преувеличенной тем роли Константинопольских патриархов, авторитетнейший русский канонист А. С. Павлов, отмечал, что каноны все же предусматривают определенную иерархию чести между патриархами, а потому настаивал, что в отношениях патриархов необходимо признавать *«равенство прав власти»* при *«неравенстве чести»*. В учении же Александрийской Церкви мы видим утверждение полной и абсолютной равночестности всех патриархов.

В рамках этой экклезиологической традиции те *«преимущества чести»*, о которых говорится в канонах, относятся вовсе не к отношениям между патриархами, а к отношениям между предстоятелями и подчиненными им митрополитами и архиепископами. Между собой предстоятели Поместных Церквей имеют тождественные *«преимущества чести»*, что исключает всякую иерархию среди них как равных и лишает смысла постановку вопроса о первом среди них.

В течение нескольких столетий эту традицию хранили и передавали многие греческие богословы вплоть до святителя Нектария Эгинского, бывшего митрополитом Пентапольским в юрисдикции Александрийского Патриархата и написавшим двухтомное сочинение с критикой папизма. Последним заметным представителем этой традиции оказался Александрийский патриарх Христофор II, скончавшийся в 1967 году. В 1920-ые годы он оказался одним из немногих греческих иерархов, кто нашел в себе силы публично выступить с обличениями папистских притязаний Константинопольских патриархов.

И вот, буквально на днях мы стали свидетелями того, как в лице всего своего совокупного епископата и во главе с предстоятелем Александрийский Патриархат отрекся от собственной многовековой традиции, признав неканонические права Константинопольского патриарха. И в

этой ситуации уместно вспомнить, что эта забытая и преданная традиция является не только их традицией, но отчасти и нашей. Ведь собор 1593 года, разбиравший дело о Русском Патриаршестве, стал частью нашей истории. А каждый, кто знаком с обстоятельствами противостояния унии в русских землях, вспомнит, как много сил отдал святой Патриарх Мелетий защите и поддержке притесняемого Православия, как много посланий и сочинений он адресовал русским князьям, иерархам, братчикам и простым верующим. Своим ободряющим словом и мудрым учительством святитель помогал русским людям сопротивляться натиску папизма, веря, что его слово и учение укрепит православных и принесет свой плод. И мы должны остаться верными его делу и учению.

Весьма символичным в связи с этим является событие двухлетней давности. В 2017 году Русская Церковь праздновала столетие восстановления патриаршества и избрания на патриарший престол святителя Тихона. Среди съехавшихся в Москву предстоятелей Поместных Церквей был и Патриарх Александрийский Феодор. Завершая свое выступление на торжественном заседании Архиерейского собора Русской Церкви, патриарх Феодор преподнес в дар Святейшему Патриарху Кириллу омофор, принадлежавший святителю Мелетию Пигасу. В контексте последовавших за тем событий вручение главе Русской Церкви этого омофора можно уподобить милоти Илииной и воспринимать как знамение вручения нам и заботы о сохранении традиции святителя Мелетия, от которой, якобы *«после многих молитв и после долгого размышления»*, отказались его преемники.

Получается, что в текущей ситуации неоправданной агрессии против Русской Церкви мы имеем на своей стороне не только сонм святых новомучеников во главе со святителями Тихоном и Петром, которые были вынуждены давать отпор вторжению Фанара во внутренние дела нашей Церкви. Русская Церковь в трагедии нового разделения православного мира обретает опору и в лице святителя Мелетия Пигаса и всей его богословской школы, которая выковывалась в трудное время исповедничества самих восточных христиан.

Русскому богословию, веками воспитывавшемуся в смирении и благоговении перед фигурой Константинопольского патриарха и последовательно декларировавшему его верховенство в церковной иерархии, психологически очень трудно признать, что первенство Константинопольского патриарха в Церкви является пустым и бессодержательным и что между Московским и Константинопольским патриархами нет никакой разницы ни в правах, ни даже в чести. Но канонические бесчинства патриарха Варфоломея и поддерживающих его епископов вынуждают нас сделать давно обоснованный шаг — решительно и окончательно отказаться признавать за Константинопольским патриархом какие бы то ни было особые права и преимущества. И решающим основанием для такого шага является александрийская традиция, хранителем которой отныне призвана быть Русская Православная Церковь.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/45887/>